

АСПЕКТЫ СИСТЕМНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ БУЛГАРСКОГО ЯЗЫКОВОГО НАСЛЕДСТВА I

(На материале финно-угорских языков волжской
и пермской групп)

1.0. В истории лингвистики вторая половина XX века знаменательна известным возрастанием интереса к этногенетическим, ностратическим исследованиям в лексикологии не только в области индоевропейских, а также финно-угорского и тюркского (алтайского) языкознаний. Важность сравнительного исследования заимствованной лексики — (в данном случае болгарской лексики в финно-угорских языках — в целом не вызывает каких-либо серьезных сомнений, несмотря на значительные трудности, возникающие в этой области компаративистики. Центральной из них, как известно, была и остается проблема происхождения материальной (лексической) и структурно-типологической общности, выявленной исследователями в результате довольно длительного, в общей сложности более чем двухсотлетнего сравнительно-сопоставительного, а затем и сравнительно-исторического изучения как строевых данных, так и лексических особенностей указанных языков лингвистами самых различных школ и направлений (Aalto 1969; Bereczki 1969; Collinder 1965; Räsänen 1920; 1923; 1935; 1946; 1947; 1961; Wichmann 1903; 1923; Winkler 1912; а также Лыткин 1955б; 1967; Серебренников 1960а; 1972а; Федотов 1965; 1969; Ахметьянов 1978; 1981; 1971; Тараканов 1981б; 1982; Кельмаков 1985в; Исанбаев 1978; 1980; Нуриева 1982 и др.).

1.1. Поскольку, как определяет И. Эрдеи, возможность заимствований между этими двумя языковыми семьями исключается по причинам исторического и географического характера (в уральскую эпоху алтайские племена не проживали вблизи предполагаемых территорий уральцев), правомерно, на наш взгляд, предположение данного автора о том, что объяснение поразительного сходства местоименных и грамматических элементов, многочисленных общих синтаксических свойств и других соответствий можно искать лишь в предуральскую эпоху. Противники урало-алтайской гипотезы тоже не отрицают, что древнее родство могло иметь место, но, по их мнению, пока доказательств этому мало. Решение вопроса затрудняет также и тот факт, что часть алтаистов не признает даже генетического родства алтайских языков, и поэтому становится

понятным их сомнение относительно урало-алтайского языкового родства. Этот вопрос, по мнению И. Эрдейи, можно было бы, конечно, решить и так, что уральская семья языков может состоять в родстве с той или иной группой алтайских языков, если даже эти группы не находятся между собой в родстве и даже если вообще не было такого родства. По мнению алтаистов К. Менгеса, Н. Поппе и М. Рясненена, урало-алтайское родство языков является вероятным, среди финно-угроведов подобной точки зрения придерживаются Б. Коллиндер, Д. Фокош-Фукс и О. Соважо (см. Основы 1974: 46). Таким образом, обобщая вышесказанное, можно утверждать, что соблюдая конструктивный подход при этнолингвистических интерпретациях заимствованной лексики, в том числе болгарской, в рамках тюркских (алтайских) и финно-угорских (уральских) языковых семей Волго-Камско-Уральского этнолингвистического региона, целесообразно исходить первоначально из родства как алтайских, так и уральских языков, пусть еще не доказанных окончательно, и сохранить при этом идею глубокой перспективы (ср. Тенишев 1971: 15).

Чтобы получить более конкретное представление о сложности увязки финно-угорского и тюркского этноязыкового мира, очевидно, есть необходимость хотя бы вкратце остановиться на узловых моментах этногенетического характера указанного региона, корни которого, как известно, уходят в глубины исторического прошлого. Так, например, на рубеже II—I тыс. до н. э. предки финно-угорских народов Среднего Поволжья, известные как приказанские племена, переходят Каму, отесняют или даже ассимилируют срубное население и прочно занимают почти все Прикамье и значительную часть Средней Волги, т. е. всю будущую территорию так называемой ананьинской культуры. В период ананьинской культуры раннего железного века (VII—III вв. до н. э.) предки пермских народов отделились от остальных финно-угров. К этому времени относится формирование языковой специфики удмуртов и коми, в складывании которой видную роль сыграл внешнеполитический фактор (нефинно-угорский субстрат). Археологи предполагают, что еще в самом начале прапермского периода обитатели Прикамья смешались с неким нефинно-угорским народом. При этом выдвигается гипотеза о каком-то толчке, полученном в VIII—VII вв. до н. э. камскими племенами из-за Урала, принудившими их, отчасти вместе с пришельцами, сместиться на запад и занять территории Нижней Камы, Средней Волги и даже Ветлуги. В этих районах заметна резкая смена местных культур ананьинской культуры, которая принесла с

собой свежий, резко выраженный монголоидный тип. С этого времени вся огромная территория Прикамья и некоторые смежные районы объединяются как область единокультурных, родственных племен (Мухамедъяров 1980: 254—255).

1.2. Вопрос о тюркизации Волго-Камско-Уральского региона хотя и давно является предметом научных изысканий, однако до последнего времени исследователи, высказывая самые полярные точки зрения (от теории автохтонного происхождения тюрков в Среднем Поволжье до переселения сюда «готовых» тюрков), довольствовались, как верно замечает Ш. Ф. Мухамедъяров, общими соображениями. Только в последние годы вопросы истории региона начали решать в свете алтаистики и урало-алтаистики (Киекбаев 1972: 25—32, 32—55 и др.).

1.3. Предварительные факты, полученные в различных смежных областях (археологии, этнографии, истории, лингвистике, в том числе и топонимических, антропонимических и т. д.) наук показывают, что алтайское и урало-алтайское состояние — не только гипотеза. Это утверждение базируется на множестве реальных сходств и общностей языков у указанных народов. Приемы сравнительно-исторического анализа дают, в частности, возможность выявить в языках явления, восходящие ко времени существования языковых семей — алтайской (тюрко-монголо-тунгусо-маньчжурское единство), уральской (финно-угорско-самодийское) и т. д. Например, Н. А. Баскаковым установлено, что болгарский язык и хазарский — древние языки болгарской группы — вместе с современным чувашским языком наиболее полно сохранили свои древние черты, характеризующие их как р- и л-языки, т. е. языки, генетически связанные с древнейшим периодом алтайской общности, периодом единого языка-основы, из которого путем дифференциации образовались тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки (Баскаков 1969: 230).

1.4. В результате анализа накопленных наблюдений, характеристики некоторых общих генетических черт, имеющих в языках таксономического типа Волго-Камско-Уральского региона тотальное распространение, было установлено, что в указанном регионе существует некое подобие языкового союза. Тюркские и финно-угорские языки — татарский, башкирский, чувашский, марийский и удмуртский — связаны рядом характерных общих черт, проявляющихся в различных языковых сферах (Серебренников 1972а: 8). Даже в данной, крайне сдержанно и осторожно высказанной фразе, можно невольно почувствовать «идею глубокой перспективы» (Э. Р. Тенишев)

не только в плане алтаистическом, но также и идею близкородственности в урало-алтайских этногенетических связях*. В этой же работе Б. А. Серебренников отмечает, что совершенно неисследованной остается лексика Волго-Камья, где также можно найти немало общих особенностей.

Заканчивая этот краткий экскурс в историческое прошлое региона, следует заметить, что переселение болгар и образование раннефеодального государства — Волжской Булгарии (V—XIV вв.), подчинившей себе многие аборигенные этнические группы, очевидно, существенно изменило этно-лингвистическую и этно-культурную ситуацию в регионе и даже прилегающих к нему областях. Именно с этого момента, как утверждают авторы, участие тюркского элемента стало постоянным фактором в языке и культуре местного края, а экономическое и культурное воздействие болгар затрагивало не только марийцев, мордву, буртасов, мерю, мурому, мещеру, но даже весьма далекие этносы — весь, пермь, югру. Правда, болгарское влияние, как указывает В. В. Пименов (1979: 39—40), в меньшей мере распространялось на Южное Приуралье, где обитали предки башкир. В золотоордынский период в Поволжье расселились новые значительные группы тюрков (кыпчакская ветвь), которые, в большей или меньшей мере смешиваясь с булгарами и финнами, приняли участие в формировании чувашей и татар. Несколько позднее, по утверждению В. В. Пименова, оформилась этническая территория удмуртов, однако, уже к рубежу X—XVI вв. этнический состав населения края приобрел близкий к современному вид (Пименов 1979: 42).

Такая пестрая и разноколоритная этническая и языковая ситуация в только что рассмотренной вкратце истории тюркских и финно-угорских народов Волго-Камско-Уральского региона не могла, естественно, не отразиться в лексических структурах их языков.

1.5. Проблема, очерченная в теме статьи, в конечном итоге сводится к выработке методических аспектов более или менее универсального подхода в изучении заимствованных апеллятивных основ в системах лексических структур различных близко- и дальнородственных языков. К тому же, данный подход должен быть методологически обоснован, выверен и удобен практически для лексико-семантического соотнесения различных лексических единиц вышеуказанных языков агглютинативного типа. Одной из методологических установок, кото-

* Это могло быть следствием и вторичного языкового «сродства» (Ред.).

рой мы придерживаемся в плане системного подхода в изучении заимствованной лексики, является концепция, активно выдвигаемая в последнее время в языковедческой науке Г. А. Климовым. Он, в частности, устанавливает, что интенсивное вовлечение в орбиту исследования широкого круга различных языков позволило увидеть такие структуры, в которых определенные принципы организации лексической системы представляются весьма прозрачными. Более того, исходя из общетеоретического положения о первичности в слове лексического и вторичности грамматического, вытекающего из того обстоятельства, что только лексика более или менее непосредственным образом связана с передаваемым в языке содержанием, естественно предположить, что именно в плане лексики лежат фундаментальные черты языковой структуры, обуславливающие собой максимально широкую совокупность более частных признаков—координат других уровней (Климов 1976: 123).

В целях пока предварительной реализации данной установки, то есть в целях выявления заимствованного словарного фонда в близко- и дальнородственных языках, нами использована идея системного подхода к лексическому строю языка, а также некоторые методы и приемы выявления основ номинации в лексических системах таксономического типа языков*, каковыми являются тюркские и финно-угорские языки по отношению друг к другу на современном этапе их изученности.

1.6. Два слова о системном подходе в изучении лексики. Как известно, данный метод в лингвистической литературе последних лет нашел довольно широкое применение. В то же время, однако, мы считаем, что попытки системного изучения лексики, несмотря на отдельные достигнутые успехи, ведутся с позиции методологической несколько несконцентрированно: без четкой и целенаправленной увязки отдельных теоретических положений, выдвинутых в советском языкознании в области типологического изучения языков мира, в единое целое. Такое положение, естественно, не может послужить предпосылкой для глубоких лингвистических сопоставлений в плане сравнительно-исторического изучения лексики не только в рамках таксономического типа языков, но и в объеме одной, отдельно взятой языковой семьи. При этом считаем необходимым отметить, что результаты лексикологических штудий, которые обычно ведутся в рамках отдельных лексических групп,

* В языкознании под этим термином понимается «сопоставление сходных, подобных явлений в одном и том же или разных языках как основа научной классификации языковых фактов и самих языков» (Ахманова 1969: 468) — А. Ш.

должны быть, на наш взгляд, нацелены в конечном итоге на выявление семантических особенностей и закономерностей в области заимствований как в рамках близкородственных, так и дальнородственных в этногенетическом отношении семей языков.

В настоящее время лингвистическая наука от утверждения идеи системности лексики переходит к изучению конкретного материала, выработке методов выявления и способов описания лексических микроструктур и микросистем, различных по характеру семантических и тематических связей слов (Шайхулов 1983: 119—122). И хотя системные отношения в лексике остаются еще неясными, и проблема лексической системы пока еще не решена ни для одного языка, в изучении лексических систем тюркских и финно-угорских языков Волго-Камско-Уральского региона накоплен богатый материал, который может быть использован для тематических, семантических, а также для семасиологических и ономасиологических штудий.

В основе нашего метода выявления заимствованной лексики, предлагаемый в данной работе, лежит идея описания универсума, то есть всего лексического богатства, выдвинутая в свое время немецкими лексикографами Р. Халлигом и В. Вартбургом. У этих авторов, как известно, дана трихотомическая классификация в такой последовательности и формулировке: а) Вселенная; б) Человек; в) Человек и Вселенная.

Мы данную синоптическую схему изменили в определенной целенаправленности и последовательности, оправданной и выверенной методологически, что позволило, как нам кажется, построить довольно универсальную и более или менее стройную систему лексико-тематической (а не лексико-семантической), как это подчас неверно осмысливается в некоторых работах) классификации, целью которой является облегчение процесса предварительного выявления заимствованных болгарских лексических основ в широком его понимании* в финно-угор-

* Ввиду того, что критерии отграничения болгарских заимствований от татарского, а также болгарских заимствований от чувашского все еще окончательно не выработаны (Федотов 1965; 1968; Тараканов 1982; Қазанцев 1985 и др.) под этим термином, несколько расширенно и пока недифференцированно, объединяются основы, одинаково равно функционирующие в современных тюркских и финно-угорских языках и в их диалектах — А. Ш.

От редколлегии: едва ли есть научная целесообразность квалифицировать все тюркские (болгарские, татарские, чувашские и башкирские) заимствования финно-угорских языков волжской и пермской групп как болгарские (хотя и «в широком их понимании») лишь на том основании, что дифференциация собственно болгаризмов от прочих тюркских заимствований сопряжена с определенными трудностями (критерии вычленения болгаризмов см. Wichmann 1903; Rédei—Róna-Tas 1972; 1975 и др.).

ских языках волжской и пермской групп. Это, в конечном итоге позволит сопоставить объем лексических параллелей в праязыковом словаре исследуемых тюркских и финно-угорских языков, хотя при этом известно, что указанный объем поддается лишь приблизительному определению (Хайду 1985: 257). Примечательно и другое мнение венгерского ученого, когда он утверждает, что значительная часть праязыкового словаря не столь показательна с культурно-исторической точки зрения. Заслуживает упоминания, пишет автор, что к этому древнейшему слою лексики уральских языков относятся очень многие из названий частей тела, объектов и явлений природы, равно как и большинство местоимений и немалая доля слов, служащих для обозначения элементарных процессов, ощущений, действий, а также свойств (Хайду 1985: 262).

Составленная нами лексико-тематическая классификация состоит из четырех больших тематических групп и располагаются они в следующей логической последовательности, в чем автор склонен усматривать определенную новизну в плане методологическом: I. «Природа». II. «Человек». III. «Общество». IV. «Познание (априори)». Отмеченная выше строгая последовательность расположения данных тематических групп объясняется, с одной стороны, необходимой целенаправленностью лексических особенностей сравниваемых языков в плане этногенетической интерпретации; с другой, характером самого системного подхода к изучению заимствованного лексического пласта болгаризмов, чувашизмов, татаризмов и т. д. в финно-угорских языках Волго-Камско-Уральского региона. Естественно, все это, хотя имеет и предварительный характер, тесно связано с попыткой проникнуть в онтологические аспекты познавательной деятельности тюркских и финно-угорских народов в историческом прошлом, а их познавательную деятельность мировоззренческого характера, суть которых в той или иной мере может быть приоткрыта как в рамках тематической, так и в рамках лексико-семантической классификации. Заметим, соблюдение данной иерархии — одно из неперменных, если не центральных условий, при несоблюдении которой рассчитывать на достоверность выводов этногенетического порядка, обосновывающихся на семантических, ономаσιологических и иных закономерностях, установленных на базе исследования заимствованной лексики, не приходится.

Ниже приводятся (выборочно) некоторые лексические единицы — болгаризмы в широком их понимании (т. е. тюркизмы — Ред.), заимствованные в различные эпохи финно-угорскими языками волжской и пермской групп. В отдельных

случаях круг группы финно-угорских языков расширен. В основном, в классификации употреблен языковой материал, анализированный как болгаризмы, в трудах отечественных языковедов (Тараканов 1982; Юсупов 1960; Федотов 1965; 1968; Хакимзянов 1978; Казанцев 1985 и др.).

Заемствованные основы, встречающиеся в теме 1. «Природа»:

I. Неживая природа. Явления природы: зной: *бӨркү* (тат.), *бӨркӨү* (башк.), *бүркү* (мар.); наледь: *бырдам* (удм.), *пырлан* (чув.), *бозлан* (тат.), *бозлан* (башк.); туман, мгла: *бус* (удм., Вихм.), *бэс* (тат.), *бэс* (башк.) и т. д.

II. Живая природа. Растительный мир (флора). 1. Виды флоры. а) деревья: *улмо* (*пу*) — «яблоко» (удм.), *алма//алмагач* (тат.), *алма//алмаҒас* (башк.); б) злаковые: овес: *шүльбө* (мар.), *селе* (чув.), *солы* (тат.), *һоло* (башк.); в) культурные растения: лен: *йэтин* (удм.), *йетен* (башк.), *житен* (тат.), *йэтин* (чув.); г) овощи: репа: *с'артчы* (удм. Вихм.), *шалкан* (тат.), *шалкан* (башк.); д) травы: мята: *бутн'ик* (удм. Вихм.), *бӨтнек* (тат.), *бӨтнӨк* (башк.); в) цветы: *с'ас'ка* (удм. Вихм.), *чэчкэ* (тат.), *чэчэк* (тат.), *сэскэ* (башк.), *сэсэк* (башк.), *сарана* (удм. Вихм.) — «сибирская красная лилия», в татарском и башкирском *сэрәнэ* (тат.), *һарына* (башк.) — род зелени, чья луковица употребляется в народе в пищу: *саранка*.

2. Строение флоры: а) зерно: *пырче* (мар.), *перче* (чув.), *бӨртек* (тат.), *бӨртӨк* (башк.), а так же сравн.: *борчак* (тат.); б) комель: *муғло* (Вихм.), сравн.: *камыл* (тат.), *камыл* (башк.); в) семя, ядрышко: *туш* (мар.), *теш* (чув.), *тӨш* (тат., башк.) и др.

III. Живая природа. Животный мир (фауна). 1. Виды фауны. 1. Животные и звери: дикие лось: *койык* (удм., Вихм.), *киек* (тат.), *кейек* (башк.) — в башкирском данная основа употребляется как для выражения понятия зверь, так и для общего наименования дичи; обезьяна: *обыда* (удм., Вихм.); хомяк: *арлан* (удм., Вихм.), *эрлэн* (тат.); хорёк: *бызара* (удм., Вихм.);

б) домашние: баран *тага* (мар.), *така* (чув.), *тэкэ* (тат., башк.), *така* (удм.); коза: *кэч* (удм., Вихм.), *кэж,э* (тат.), *кэзэ* (башк.) и т. д.

2. Насекомые: куколка *букро* (удм., Вихм.), сравн. также *бӨкере* — «согнутой» (тат.); трутень: *зур, зурмуш* (удм.) и т. д.

3. Птицы: дикие: галка: *йана, йана* (удм., Вихм.); перепел: *бөд'оно* (удм.), *бүдәнэ* (тат.); филин: *ыгы* (удм., Вихм.); до-

машние: курица: *чывы* (мар.), *чѣпѣ* (чув.), *чеби, чебеш* (тат.), *себи, себеш* (башк.); интересно заметить, что, кроме марийского языка, данная основа употребляется для обозначения не курицы, а цыплят, птенцов.

4. Рыбы: белуга: *бэкра* (удм.); окунь: *оланге* (мар.), *уланка* (чув.) и т. д.

5. Детеныши (животных, зверей, птиц): теленок: *презе* (мар.), *паруше* (чув.). Сравн.: *бызаучык* (тат.), *цыплёнок: чепе* (чув.), *чывы* (мар.), *чеби, чебеш* (тат.), *себи, себеш* (башк.), *чипы* (удм., Вихм.).

6. Названия мастей представителей животного мира: голубой: *чагыр* (чув.), сравн.: *чагыр тӨс* (тат.) — «красно-фиолетовый» (тат.); коричневый: *күрен* (мар.), *керен* (чув.), *кӨрэн* — в тюркских диалектах встречается в значении «коричневый» и «фиолетовый»; пестрый: *чобар* (тат.), *чибор* (удм., Вихм.); сравн.: чубарый (в русском языке) и др.

7. Строение тела представителей фауны: комолый: *мугло* (удм.), *мӨгезсез* (тат.), в диалектах татарского языка встречается очень часто и форма *мӨклэк, муклэк* в том же значении.

8. Свойства характера и состояния представителей мира животных: капризный: *чыгын* (удм.), *чыгым, чыгымчы* (тат.); норовистый: *чыгын* (мар.), *чахам* (чув.); яловый: *исыр* (мар.), *хесер* (чув.), *кысыр* (тат.), *кысыр* (башк.) и т. д.

Анализируя особенности лексических основ, относящихся к теме «Природа», можно отметить, что типологически отличительных черт у исследованной части гораздо меньше, нежели общих черт, присущих обеим из указанных языковых семей, что еще раз доказывает их этногенетическую близость в далеком прошлом. Как показывают наши примеры, тюрко-булгарские языковые особенности находят свое отражение в заимствованной лексике, однако степень влияния тюркских и финно-угорских языков друг на друга неодинакова в конкретных языках, на что в свое время обратил внимание Б. А. Серебренников, отмечая, что существуют так называемые групповые особенности, связывающие между собой мелкие группы языков Волго-Камья. Например, чувашский и марийский языки имеют общие особенности (которые, в частности, подтверждаются и нашими примерами — А. Ш.), которых нет в удмуртском и татарском. В свою очередь, в удмуртском и татарском есть некоторые общие черты, которых нет в чувашском и марийском. Есть особенности, которые существуют только в марийском и татарском и т. д. (Серебренников 1972а: 8).

Как уже указывалось, болгарско-татарско-чувашско-финно-угорские связи носили в прошлом двусторонний характер. Но степень и результаты взаимовлияния между татарским, в частности, и финно-угорскими языками, как на то указывает А. Х. Нуриева (1982: 140), далеко неодинаковы. Если в мари-ских, мордовских и удмуртском языках болгаро-татарские слова исчисляются сотнями, то в татарском языке финно-угризмы составляют очень небольшой пласт; больше, чем в татарский литературный язык, финно-угризмы, по мнению большинства тюркологов, проникли в диалекты (Нуриева 1982: 140). Рассматривая данный вопрос в сравнительно-историческом аспекте, исследователи давно уже указали на то, что без учета общих черт в болгарском — и в частности, в чувашском — языке нельзя правильно разрешить проблему болгарского языкового наследства в финно-угорских языках волжской и пермской групп, а также устранить противоречия, мешающие беспристрастному взгляду на формирование национального языка чуваш, татар, мари и других (Федотов 1968).

Богатый фактический материал, относящийся к тюрко(болгаро)-финно-угорским лексическим взаимосвязям, свидетельствует о перспективности и целесообразности дальнейших сравнительно-исторических исследований в области исторической и диалектной лексики указанных языков. Итак, исходя из проанализированного лексического материала в рамках лексикотематической классификации «Природа», можно сделать предварительный вывод о том, что для вычленения истинно болгарского языкового пласта, то есть уже не в широком понимании, как это употреблено в данной работе, в финно-угорских языках волжской и пермской групп, сначала необходимо выделить в тюркских и финно-угорских языках Волго-Камско-Уральского региона все взаимные заимствования, как лексические, так и морфологические. И только сняв слой безсловных заимствований и выявив бесспорно общие элементы, можно вести сравнительно-исторический анализ на уровне праформ в составе этого общего слоя. Кроме того, необходимо в обязательном порядке привлекать данные археологии, истории, сравнительно-исторической этнографии и фольклористики, а также антропонимии, топонимии. Только комплексно используя данные всех этих дисциплин, можно как-то приблизиться к решению болгарского языкового наследства в исследуемых тюркских и финно-угорских языках Волго-Камско-Уральского региона.

СОКРАЩЕНИЯ

башк.— башкирский язык, Вихм.— Вихманн Ю., мар.— марийский язык,
тат.— татарский язык, удм.— удмуртский язык, чув.— чувашский язык.